

Глава 11. Ненависть

Над садом Чунсяо застыло божественное знамение. Вести о нем мгновенно разнеслись по всем ветвям семьи У. Обитатели девятой ветви, не теряя ни секунды, бросились на поиски источника пурпурного сияния.

У Шаошань, старший сын девятой ветви, занимал одну из самых величественных усадеб в саду. Его резиденция состояла из нескольких анфилад, соединенных переходами и множеством уютных двориков. С восторгом обнаружив, что столб света бьет прямо в одну из комнат заднего двора, он, не раздумывая, устремился туда.

За главой ветви потянулась шумная толпа: жены, наложницы и дети — все спешили воочию увидеть чудо. Пурпурный свет становился ярче, пока не вывел их к самому большому боковому двору. Это были покои Ли Жу-эр, законной супруги У Шаошаня. Из всех детей, что она воспитывала, лишь У Дунсяо еще не исполнилось трех лет.

Ли Жу-эр застыла перед распахнутыми дверями, не смея переступить порог. Внутри комнаты маленький Дунсяо, только что пробудившийся от дневного сна, задрал голову, глядя сквозь огромный пролом в крыше на парящую в небе алебарду. В тот краткий миг, когда Тайная Сокровищница раскрылась, призванный артефакт вместе со столбом света пробил кровлю здания.

У Шаошань и Ли Жу-эр, затаив дыхание, не сводили глаз с сына.

Однако за их спинами радость была не столь единодушной. Окружившие двор домочадцы и младшие родственники перешёптывались, и на лицах многих читалось недовольство.

Особенно мрачен был У Дунхун, старший законный сын. Он обладал талантом таинственного ранга высшего качества и до этого момента считался самым одарённым среди детей У Шаошаня. Родители не жалели сил на его воспитание, но теперь, с появлением гения земного уровня, поток семейных ресурсов неизбежно должен был перераспределиться.

Его собственные сыновья, восьми и трех лет, жались к отцу. Почувствовав исходящую от него глухую ярость, они тоже прониклись неприязнью к маленькому Дунсяо.

Никто не решался высказаться вслух, но в умах присутствующих уже зрел клубок из корыстных планов и обид.

«Почему столь великий дар не достался мне?»

«Этот выскочка Дунсяо... Теперь законная жена и вовсе задерёт нос! У моего Яна двое детей почти того же возраста, надо научить их подлизываться к мелкому, глядишь, и нам что-нибудь перепадёт. Но и другие девки наверняка подошлют своих внуков, наверняка тоже хотят урвать

кусок. Придётся хорошенько натаскать детей, чтобы они знали, как втереться в доверие. Да и Сян-эр стоит умерить свой гонор и стать для него ласковой сестрицей»

«У ребёнка легко что-то выманить. Цзинь-эр и Фан-эр — его племянники, если они будут его превозносить, то, возможно...»

Вскоре начали прибывать представители других ветвей. Многие явились лично, а те, кто был занят, прислали доверенных слуг разузнать подробности. Возле усадьбы У Шаошаня стало шумно и тесно, новости разлетались со скоростью лесного пожара.

Внезапно толпу накрыла волна мощного духовного давления. Люди вздрогнули и расступились, с почтением и трепетом глядя на прибывших.

К двору быстрыми, решительными шагами приближалась чета в роскошных одеждах. У Шаошаня поспешно вышел им навстречу.

Это были нынешний глава семьи У и его супруга — У Минчжао и Ян Цзинфэй.

Увидев маленького Дунсяо, буквально окутанного ореолом духовной силы, супруги облегчённо выдохнули.

Это и впрямь был их внук! Какая удача!

Лицо У Минчжао так и сияло, а во взгляде Ян Цзинфэй проступила нежная, почти благоговейная любовь.

Обитель в сердце озера, сад Цзянхэ.

У Шаоань одним яростным движением перевернул стол. Его глаза налились кровью, а на висках вздулись вены.

— Ещё один! Снова! И почему это должен быть родной племянник У Шаоцзяня?!

Десяток слуг, бывших в комнате, мгновенно пали ниц. Обливаясь холодным потом, они не смели даже дышать. Его лицо исказилось в такой гримасе, будто юноша хотел собственноручно сорвать небесное знамение с небосвода.

Когда У Шаоаню было два года, он пробудил Тайную Сокровищницу и призвал Лук Пурпурной Тени земного ранга среднего качества.

В том поколении семьи У лучший талант едва достигал среднего уровня земного ранга, и до его появления подобных дарований не видели больше десяти лет. Разумеется, он сразу стал центром внимания: лучшие ресурсы, похвала старейшин, восхищение соплеменников... Родители души в нем не чаяли, окружая беспрестанной заботой.

Практики земного ранга и выше обладают памятью с самого рождения, и юноша прекрасно помнил те дни, упиваясь своим превосходством.

Однако три месяца спустя небо над городом содрогнулось от неопишуемого величия. Грохот и сияние были столь пугающими, что весь Куньюнь не мог сомкнуть глаз до рассвета.

В семье У родился гений небесного уровня.

По иронии судьбы У Шаоцянь тоже призвал лук — легендарный Лук, Стреляющий в Солнце.

Этот дар буквально раздавил своим величием Лук Пурпурной Тени.

В одночасье все взоры обратились к Шаоцяню. Его соперник был забыт, превратившись в «просто еще одного способного сородича». Даже родители молодого человека, хоть и продолжали любить сына, лишились того бывшего азарта. Иногда он слышал, как они втайне вздыхали, сетуя на неудачу восьмой ветви.

А Шаоцянь купался в лучах славы, и даже прародители лично навещали колыбель младенца.

Как Лук Пурпурной Тени мерк перед Луком, Стреляющим в Солнце, так и рядом с Шаоцянем никто его не замечал.

У Шаоань уже почти смирился со своей участью, но судьба преподнесла ему подарок: кузен, будучи слишком выдающимся, пал жертвой интриг, превратился в калеку и был вынужден жениться на безродном юнце! Несостоявшийся гений не скрывал злорадства, решив, что наконец-то его час настал. Но радость была недолгой: не прошло и нескольких дней, как в девятой ветви взошла новая звезда земного ранга!

То, что еще недавно казалось триумфом, обернулось пеплом. Юноша зажмурился, и в самой глубине его души, подобно ядовитому сорняку, начало медленно прорастать чувство черной,

исступленной ненависти.

Спустя долгое время он открыл глаза и вызвал своего мертвеца-стража.

— Ся Цзян, — прошипел он, — разузнай всё, что сможешь. Мне нужно знать, как поживают У Шаоцянь и его молодой супруг.

Серая тень безмолвно возникла в комнате, преклонила колени в коротком поклоне и исчезла в тот же миг.

Ближе к вечеру Чжун Цай закончил работу над очередной партией Пилюль Восполнения Ци. Усталость навалилась на него свинцовым грузом.

У Шаоцянь, уже распорядившийся насчёт ужина, подошёл к нему и, мягко улыбнувшись, потянул за руку:

— Пойдём, пора подкрепиться.

Цай, совершенно лишившись сил, почти повис на плече мужа.

Шаоцянь довёл его до двора. Небесное знамение к тому времени уже окончательно рассеялось. В этот момент у внутренних ворот бесшумно возник Сян Линь.

Цай лениво повернул голову:

— Что-то случилось?

— Мертвец-страж господина Шаоаня во второй половине дня околачивался поблизости, — лаконично доложил Сян Линь. — Выслеживал.

Шаоцянь нахмурился. Он искренне не понимал, зачем двоюродному брату следить за ним. Несмотря на близость в возрасте, они никогда не были дружны и почти не общались.

Цай же сразу всё вспомнил и выпалил:

— Это тот самый братец, который на тебя зубы точит? Что этому стервятнику от нас понадобилось? Опять какую-нибудь пакость затевает?

Шаоцянь замер в замешательстве, глядя на Цая.

Тот, заметив его недоумение, прищурился:

— Только не говори мне... Ты что, и впрямь не знал, что этот тип тебя терпеть не может?

Шаоцянь выглядел довольно неловко.

Цай не выдержал и расхохотался:

— Ха-ха-ха! Да ты и вправду не в курсе! Ну ты даёшь!

— Перестань смеяться, — вздохнул Шаоцянь. — Откуда тебе-то это известно?

Цай фыркнул и в красках описал ту сцену, свидетелем которой стал в день свадьбы.

— Если бы на моём месте был кто-то другой, человек более практичный, он бы, может, и не обратил внимания на отношение семьи У. Но если бы к тебе прислали кого-то обидчивого и заносчивого? Этот человек не посмел бы перечить семье У, но всю злобу сорвал бы на тебе!

— Семья У женила тебя, чтобы вылечить, — Цай легонько ткнул Шаоцяня кулаком в грудь. — Если бы твой «супруг» затаил обиду, он мог бы припрятать Плод Укрепления Души или просто не стараться. И тогда тебе был бы конец! Он ненавидит тебя настолько, что готов отправить на тот свет, а ты стоишь тут и хлопаешь глазами. Ну и святая простота!

Шаоцянь промолчал. Это и впрямь было неожиданно. Он не помнил, чтобы когда-то переходил дорогу Шаоаню. Однако мысль о том, что этот человек посмел унижить Чжун Цая, вызвала у него холодную ярость.

Цай усмехнулся:

— Да что тут думать? Зависть — вот корень всех бед. Когда ты сиял, как солнце, многие втайне мечтали, чтобы ты споткнулся. Уверен, Шаоань такой не один. Восхищение и зависть всегда ходят рядом, это в человеческой природе. Просто такие подлецы, как Шаоань, переходят от мыслей к делу быстрее прочих.

Шаоцяня не волновало, сколько людей желают ему зла. Его заботило лишь то, что чувствует Цай.

— А ты... — он замялся. — Тебе когда-нибудь было горько из-за меня?

Цай расхохотался:

— Вспомни, как я зашивал твою одежду в лесу. Ты что, возненавидел меня за то, что я умею пользоваться иглой, а ты — нет?

Сравнение было странным, но Шаоцянь всё понял. Его лицо просветлело, и он искренне улыбнулся.

Разумеется, то, что Чжун Цай не испытывал к мужу ни капли неприязни, объяснялось не только их взаимной симпатией. Огромную роль играло его прошлое: больное сердце и память о прежней жизни в другом мире.

Те воспоминания сформировали его личность, не позволив этому жестокому миру поглотить его душу.

Здесь люди преклонялись перед силой, и ранг таланта определял всё. Но для Цая сама возможность снова дышать и видеть красоты иного мира была величайшим даром. Да, Шаоцянь был гением, но в прошлой жизни Цай видел немало «великих» во всех областях. Разве должен он был ненавидеть художника за умение рисовать или учёного за интеллект?

В глазах Чжун Цая У Шаоцянь был лишь «талантливым новичком» в области самосовершенствования. Стоило ли тут завидовать? Даже если мимолётная зависть и возникала, Цай легко с ней справлялся. Несмотря на свою внешнюю живость, он обладал удивительно устойчивой психикой.

Цай был безмерно благодарен судьбе за то, что может просто прыгать и бегать. Возможность практиковаться была для него лишь приятным бонусом. Каждый прожитый год он считал своей победой и вовсе не стремился стать ослепительным солнцем на небосклоне.

Цай перевёл взгляд на Сян Линя:

— Продолжай. Что там со шпионом?

— Я прогнал его, — кратко ответил страж.

Цай довольно заулыбался.

Шаоцянь кивнул:

— Даже если я сейчас не в чести, позволять всяким проходимцам шпионить за нами нельзя. Хорошая работа.

Сян Линь поклонился и вышел. Больше докладывать было нечего.

Цай повернулся к мужу:

— Слушай, старина У, если нам снова повезёт с картами, давай всерьёз займёмся обучением Сян Линя. Если его станет сильнее, нам будет куда спокойнее выходить в город.

— Согласен, — поддержал Шаоцянь. — Начнём с него, но и про Чжун Да тоже можно найти ресурсов, чтобы он поскорее достиг Сферы Открытия Дворца.

В древних семьях вроде Чжун и У безопасность потомков была делом первостепенным. Правила везде разнились, но общий принцип был один: каждому наследнику полагался защитник, которого тот должен был содержать сам.

Эти защитники оберегали детей, пока те были слабы, а когда хозяева обретали силу, становились их правой рукой.

В семье У каждый ребенок, вне зависимости от ветви, получал мертвеца-стража после пробуждения Тайной Сокровищницы. Если же дар так и не проявлялся, стража давали по достижении двадцати лет. Сила и потенциал стража напрямую зависели от таланта самого господина.

У Шаоцянь родился гением небесного уровня, но в младенчестве он нуждался в заботе семьи. Сян Линь был приставлен к нему, когда Шаоцяню исполнилось три года и он начал свой путь развития. Сян Линь был лучшим в своей группе: он обладал талантом таинственного ранга высшего качества и на тот момент находился на первом уровне Сферы Открытия Дворца. Спустя пятнадцать лет упорных тренировок он достиг уже четвертого уровня этой сферы.

В семье Чжун защитников давали только детям главной линии, в побочных — нет.

Поскольку только у прямых наследников вместе с пробуждением Тайной Сокровищницы на Чудесном Древе Укрепления Души созревал и Плод Укрепления Души, а клану не хватало средств, чтобы обеспечить охраной каждого, то только наследникам главной линии дали эту особую привилегию.

Будь то мертвец-страж или обычный телохранитель, им доверяли безгранично. Причиной тому был Смертный контракт, который они заключали с господином.

Это не имело ничего общего с обычными кабальными грамотами слуг. Смертный контракт скреплялся клятвой на крови и особыми заклинаниями. С этого мгновения жизнь слуги неразрывно связывалась с жизнью господина. Если господин погибал — страж умирал вслед за ним. И расторгнуть этот контракт было невозможно.

Потому, даже когда Цай женился, а Шаоцянь лишился сил, Чжун Да и Сян Линь остались при них.

Сейчас Шаоцянь не мог сражаться и не имел надежды на рост. Цай был слаб, а его продвижение замедлялось из-за необходимости совмещать практику с алхимией. Вопрос безопасности стоял остро, и вся надежда была на верных людей.

Чжун Да был посредственен: его талант жёлтого ранга среднего качества, медлительность и скудоумие не сулили быстрых успехов. Даже с лучшими ресурсами достижение Сферы Открытия Дворца заняло бы у него вечность. Цай требовал от него лишь одного — беспрекословного послушания.

А вот Сян Линь с его высоким потенциалом был идеальным кандидатом для вложений.

Тем временем Ся Цзян, получивший внутренние раны, вернулся в обитель Шаоаня и пал на колени:

— Ваш слуга виноват. Сян Линь обнаружил моё присутствие.

У Шаоань нахмурился:

— Вы же в одном ранге! Как он мог тебя заметить?

Ся Цзян опустил голову, не смея оправдываться. А что он мог сказать? У Шаоцянь в годы своего величия получал невысказанные награды и никогда не обделял своего стража. Сян Линь имел доступ к лучшим ресурсам, постоянно закалялся в сражениях в глубине лесов и получал наставления от самого гения. Ранги их были равны, но разница в силе была пропастью: от боевого опыта до понимания техник — Сян Линь превосходил его во всём.

Но хозяин не желал слушать правду.

— Твоя никчёмность не знает границ, — бросил он.

Молодой человек никогда не заботился о Ся Цзянге. Его не волновало, что лицо стража побледнело, как бумага, а раны были серьёзны. Он лишь сухо приказал:

— Ищи другой способ. Выследи их и немедленно доложи.

Ся Цзян принял приказ и скрылся. Шаоань же остался один, кипя от злобы и всё больше ненавидя своего двоюродного брата.

Талант маленького У Дунсяо немного унял горечь семьи от потери гения небесного уровня. Хотя земной ранг и уступал небесному, прародители сочли это добрым знаком, хоть и не поспешили навестить ребёнка лично.

Для У Минчжао и Ян Цзинфэй это было даже к лучшему. Небесный дар был слишком ослепительным — он вызывал зависть, способную уничтожить. Земной же ранг сулил величие, но не делал ребёнка мишенью, которую во что бы то ни стало нужно стереть с лица земли.

Посоветовавшись, супруги решили забрать внука в свои покои для воспитания. У Шаошань и Ли Жу-эр были только рады: опека главы семьи сулила им немалые выгоды.

Дунсяо не разочаровал деда с бабкой. Наследие, пришедшее вместе с Алебардой Чёрного Дракона, было почти сопоставимо с небесным. Мальчику стоило лишь немного постараться, и его прогресс обещал быть стремительным.

Вскоре порог поместья У начали обивать посланцы со всего города, жаждущие разузнать детали. Семья официально объявила о радостном событии, вновь заставив другие кланы зеленеть от зависти. В Куньюне, если не считать уникального случая с Шаоцянем, лучшим считался талант земного ранга высшего качества, и У Дунсяо теперь воплощал этот предел.

Так семья У, едва не потерявшая лицо из-за падения Шаоцяня, вновь обрела величие благодаря маленькому Дунсяо.

Пролетел месяц.

Всё это время Чжун Цай и У Шаоцянь жили затворниками, не покидая тренировочной комнаты. Шаоцянь, лишённый возможности практиковаться сам, не отходил от мужа ни на шаг. Поначалу он лишь чистил котёл, но вскоре научился подготавливать травы, избавляя Цая от нудной, однообразной работы.

Благодаря помощи друга Цай невероятно ускорился. Если раньше на одну партию у него уходило больше часа, то теперь он постепенно укладывался в сорок минут, а позже и вовсе в пятнадцать-двадцать минут. Это был его предел.

Подводя итоги, можно было сказать, что Чжун Цай совершил восемьсот подходов к котлу. Его мастерство росло на глазах: если в начале успеха добивалась лишь каждая третья партия, то теперь семь из десяти были безупречны. В общей сложности он сварил четыреста порций Пилюль Восполнения Ци. Количество готовых гранул в каждой партии стабильно держалось на отметке восемь, что было пределом даже для выдающихся мастеров.

В этот день Чжун Цай решил отдохнуть от котла. Он сидел на полу, скрестив ноги, и сосредоточенно перебирал содержимое ящичков нефритовыми палочками.

Перед ним стояли три шкатулки: большая, средняя и совсем крохотная. Все они были наполнены его трудами. У Шаоцянь сидел напротив, перед ним тоже стоял открытый, но пока пустой ящик.

Цай подцепил палочками одну пилюлю из большой шкатулки и переложил в ящик к мужу.

— Раз, — пробормотал он. Затем снова: — Два, три...

Шаоцянь с улыбкой наблюдал за этим ритуалом, про себя ведя счёт. Постепенно Цай ускорился, его руки двигались так быстро, что палочки превратились в размытую тень. Почти через полчаса он с облегчением выдохнул:

— Пилюли Восполнения Ци низшего качества — одна тысяча шестьсот двадцать две штуки.

Шаоцянь кивнул и пересыпал их обратно в большую шкатулку.

Цай принялся за среднюю. Счёт продолжился.

— Девятьсот шестьдесят шесть, — наконец уверенно произнёс он.

— Верно, — улыбнулся Шаоцянь, возвращая пилюли на место.

Тогда Цай бережно взял самую маленькую шкатулку. Здесь считать было не нужно — всё было видно сразу. Двенадцать штук. Итогом его изнурительного двухмесячного труда стали эти двенадцать Пилюль Восполнения Ци высшего качества.

Шаоцянь был поражён талантом своего мужа. Он и представить не мог, что за столь короткий срок можно отточить мастерство до такой степени. Даже если Цай никогда больше не продвинется в искусстве алхимии, одной этой пилюли хватило бы, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь в любом уголке мира.

Цай осторожно закрыл крышку и протянул шкатулку Шаоцяню.

— Держи. Спрячь их получше. Если вдруг тебе придётся применить силу, эти малютки помогут продержаться. Но не глотай их сразу без нужды, пусть будут на крайний случай. Как только я научусь варить что-то получше, я их тебе заменю.

Шаоцянь принял дар с величайшей осторожностью.

Эти двенадцать драгоценных бусин были созданы в последние дни, и Цай остановился только тогда, когда получил их. Шаоцянь понимал, почему его муж так изнурял себя... Раньше он владел куда более могущественными сокровищами, но ни одно из них не казалось ему столь ценным, как эти двенадцать пилюль.

<http://bllate.org/book/15860/1434291>